

В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод название ему.

Некрасов Н. А. «Железная горога»

В том хаосе, который называется обыкновенной жизнью, мне, тридцатилетнему греку по имени Ликаон, довелось заниматься многим.

Конечно, прежде всего я был авантюристом. А как им не стать, если уже довелось быть воином, лоцманом, переписчиком судебных бумаг, игроком в кости (что опасней всего) и сборщиком податей? Где та блаженная страна, в которой можно остаться и заняться красивым и вечным? Пока часто выпадает быть голодным и настороже: кто нападёт первым — ты или на тебя?

Однажды, когда я ночевал вместе с встреченными знакомыми воинами, они сказали, что меня разыскивает слепой поэт и мудрец Гомер, которого недавно видели в его родном городе Смирна. Утром я отправился в путь и через два дня, придя на центральную площадь Смирны, с почтением преклонив колени, представился Гомеру. Он вовлёл меня в беседу, результатами которой остался доволен.

Гомер сказал, что из множества разрозненных эллинских легенд и мифов складывает одну цельную поэму «Илиада»¹ о Троянской войне, которая была четыре века назад².

¹ Название поэмы Илиада» происходит от другого названия Трои — Илион.

² Написание «Илиады» относят к VIII веку до н.э. Троянская война была в XII веке до н.э.

Ему нужен не просто переписчик, но разносторонне развитый человек, разбирающийся в военном деле. Взамен Гомер обещал мне покровительство (а его слово многое значило) и обучение стихосложению.

Нужно ли говорить, что я с радостью согласился быть его помощником и слугой? Вскоре стало ясно, что мы — родственные души. Поэтому за лето, которое провели вместе, я узнал о Гомере многое. Мне стало понятно, почему Гомер обладал способностью почти обходиться без прямых описаний, почему ему было достаточно вложить в уста героя одно слово или описать жест, чтобы человек и действие обрели силу и выразительность. Почему, в конце концов, он умело и часто описывал боевые эпизоды.

Такие способности сами собой, из ничего, не появляются. Причина кроется в удивительной и полной приключений жизни Гомера. Детство было трудным, он рос хилым мальчиком. Родители Гомера, о которых он говорил неохотно, пренебрежительно относились к ребёнку по причине его слабого здоровья, так как это дискредитировало семью в обществе, где царил культ здорового, физически развитого тела. К тому же Гомер с раннего детства не переносил яркий солнечный свет, нормально мог видеть только в сумерках, а днём носил притеняющую повязку. Попытки родителей укрепить мальчика физически почти не приносили результата. Зато занятия ораторским искусством и театром, к которым тяготел юный Гомер, пали на благодатную почву и открыли его выдающиеся способности.

Поскольку родители Гомера были состоятельными людьми, то смогли обеспечить ему безбедное детство и юность. Гомер принялся писать пьесы, в которых сам играл в вечернее время при свете факелов. В каждом представлении он изменял текст, доводя его до совершенства. Обычно за неделю создавал и исполнял вместе с труппой три-четыре варианта одного и того же сюжета. Он умел увлечь зрителей, и на его обновляющиеся представления иногда ходили по несколько раз.

Вскоре Гомер стал модным автором. Однако Гомеру очень не хватало хорошей физической формы и личной способности владеть оружием — ни для игры в пьесах, ни для того, чтобы считаться полноценным членом общества. Поэтому, овладев искусством слова, Гомер принялся вкладывать возрастающие усилия в улучшение физической формы и освоение боевых искусств.

Учителя, к которым он обратился, были умелыми воинами. Они привлекали, принуждали Гомера к боевой практике, поначалу опекая его. Вскоре Гомер почувствовал вкус опасных, но быстро добываемых денег: у павших и раненых противников победители забирали всё и тут же делили добычу меж собой. Ночные вылазки вносили свежую струю в постановки Гомера и придавали им необыкновенную жизненную силу, возбуждая зрителей. В первых рядах театра теперь сидели известные воины, которые комментировали действие одобрительными криками.

Постановки Гомера обретали скандальную известность, тем более что сюжеты слишком напоминали боевые схватки, которые были у всех на слуху. Конечно, оставшихся в живых побеждённых это раздражало, а назойливая мишень была у них перед глазами, поэтому вскоре у Гомера, как говорится, земля стала гореть под ногами.

Однако жаждущие мщенья числили Гомера слепой марионеткой и искали первоисточник, тем более что Гомер появлялся на публике только с повязкой на глазах, а в спектаклях перестал принимать участие, уделяя время сценариям и режиссуре. Но поскольку Гомер находился на острие интриг, а всё тайное могло когда-то стать явным, он хотел порвать с опасным образом жизни и искал пути для этого. К тому же Гомер старел, жизнь оставалась беспокойной, и ему нужен был человек, на которого он мог бы положиться.

В этом состоянии он принял правильное решение — нашёл меня, известного на побережье Эгейского моря человека. «Золотой жилой» для Гомера стала тема Троянской войны. При слабо развитой письменности кто мог точно знать, что было четыреста лет назад?

Это как если бы в двадцать первом веке в мифах и сказаниях излагали события семнадцатого века. Используя известные имена Ахиллеса, Елены, Париса и других мифических героев, придумав для динамики действия персонажей, в том числе таких значительных, как Гектор³, брат Париса, а также опираясь на упоминаемые в сказаниях эпизоды Троянской войны, Гомер умело живописал верхушке греческого общества и простолюдинам героические батальные и исторические сцены, что ему прекрасно удавалось.

³ Информация об этом есть в Интернете.

Вот пример его впечатляющих стихов:

...Он из сынов многочисленных был у Приама юнейший,
Старцев любимейший сын...

...Вскрикнув, он пал на колена; глаза его тьма окружила
Чёрная; внутренность к чреву руками прижал он, поникший.

Или ещё:

...в прах Амаринкид

Грянулся, руки дрожащие к милым друзьям простирая...

Известность и слава незаурядного мудрого человека стали приносить вполне реальный доход. Гомер был принимаем в высшем обществе, где его личные выступления на актуальные темы, а также постановки о Троянской войне щедро оплачивались. Когда же Гомер садился у фонтана в центре площади, то к нему шли за советом в решении трудных проблем, приглашали быть судьёй в сложных спорах.

Однако шлейф тёмной репутации не отпускал Гомера. Его слушали и восхищались, но высшее общество не могло считать его своим, тем более что из-за актёрского бродячего образа жизни он был обречён оставаться лучшим среди людей второго сорта. Даже родители не афишировали родство с ним.

Однажды при свете костра, когда звёзды казались особенно яркими и лили на землю гипнотический свет, Гомер, словно в забытьи, почти шёпотом сказал мне, что его посещают видения о том, что потомки будут считать его великим поэтом, не оценённым при жизни. Именно по этой причине он хочет оставить память о себе — записать поэму «Илиада» о Троянской войне.

Однако зрительский успех, фортуна — явления переменчивые. Со временем они могут отвернуться. Так случилось и в этот раз. Верхушка общества пресытилась Гомером. Его выступления на площадях и мои случайные заработки обеспечивали скромное существование. Денег не всегда хватало, вдохновение иногда терялось, а привычка к опасности и остроте ощущений никуда не делась и требовала свою дань. В разговорах мы обсуждали, не оставить ли рутину и иногда вновь возвращаться к приключениям. Пока же обосновались в афинском порту. Гомер давал представления для многочисленных путешественников. Изредка отъезжал в библиотеку, куда сдавал записанные под диктовку тексты.

В порту я занимался приёмкой и отправкой грузов. Но однажды в одиночку вынужден был ввязаться в схватку с пиратами, намеревавшимися завладеть плохо охраняемым грузом. Стычка закончилась тем, что едва спасся от погони, когда мою лодку разбило о скалу осенним штормом и выбросило на отмель. Найдя лодку, пираты дождались утра и долго ходили по береговой линии в поисках тела. Я отсиживался в зарослях и слышал разговоры о том, что они отомстят мне. Когда, соблюдая меры предосторожности, по суше вернулся к нашему жилищу, Гомера там уже не было.

Тут я вспомнил о недавнем предложении богатого владельца оливковых плантаций стать управляющим в его хозяйстве. Пришёл к нему и был принят на службу. Впервые зажил, ни в чём не нуждаясь. Иногда у меня появлялось необычное состояние удовлетворённости размеренным существованием.

Стали вызывать интерес оздоровительные, а не боевые системы физических упражнений. Я не мог понять новые ощущения. Что это? Признак наступающей старости или норма спокойной жизни, которую мы ищем?

Вскоре до меня стали доходить слухи о Гомере. К нам на усадьбу даже заходили люди и среди прочего заводили разговор о человеке по имени Ликаон, который был слугой Гомера. Хоть по ночам мне всё ещё снились тревожные сны, но я уже принял решение в пользу спокойной жизни и уклонился от пространных разговоров с этими людьми.

Но вскоре ко мне пришёл нарочный, показал перстень Гомера и сказал, что тот приглашает меня вернуться. Я ответил, что выбираю спокойную жизнь. Тогда он передал предупреждение Гомера: в течение недели не ночевать в здании усадьбы, иначе со мной может случиться беда. Я сказал хозяину, что в течение недели буду ночевать на удалённом участке плантаций, чтобы, приняв работу землеустроителей, с раннего утра дать новые указания. В ту же ночь усадьба была разграблена и сожжена. На Грецию напал передовой отряд коринфян. Началась война⁴, которую вскоре стали называть коринфской колониальной экспансией.

Что же сильнее — горькая мудрость или деньги, материальное или невидимое?

⁴ Информация о дате (VIII век до н.э.) и названии есть в Интернете.